

Примечания

- ¹ Фрейд З. Экономическая проблема мазохизма // Венера в мехах. М., 1992. С. 363.
- ² Бодрийяр Ж. Город и ненависть // Логос 1991–2005. Избранное : в 2 т. Т. 2. М., 2006. С. 437.
- ³ Рассел Б. Во что я верю // Рассел Б. Почему я не христианин. М., 1987. С. 78.
- ⁴ Райх В. Характероанализ: Техника и основные положения для обучающихся и практикующих аналитиков. М., 1999. С. 404.
- ⁵ Адлер А. Мотив власти // Адлер А. Наука жить. Киев, 1997. С. 235–241.

УДК 316

ТОЛЕРАНТНОСТЬ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ: ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОЦЕДУРА ПОНИМАНИЯ

Л. С. Перевозчикова

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
E-mail: perevozch@vgasu.vrn.ru

В статье раскрывается содержание эпистемологической процедуры понимания в межкультурном взаимодействии, проясняются когнитивные механизмы толерантности.

Ключевые слова: толерантность, понимание, эпистемологическая процедура понимания, межкультурное взаимодействие.

Tolerance in the Intercultural Interaction: Epistemological Procedure of Reading

L. S. Perevozchikova

The content of the epistemological procedure of reading in the intercultural interaction is developed in the given paper, and cognitive mechanism of tolerance is revealed.

Key words: tolerance, reading, interpretation, epistemological understanding of the procedure intercultural interaction.

В эпоху глобализации, изменившей условия межкультурного взаимодействия, проблема понимания и восприятия – диалога культур – приобретает особую актуальность. В современном мире, благодаря коммуникационным технологиям и росту социальной мобильности, увеличивается плотность межличностных, межгрупповых и международных отношений. Сегодня возникает настоятельная необходимость включения в сферу коммуникации устойчивых механизмов взаимодействия без отторжения, вражды, ненависти и насилия. В связи с этим воспитание толерантности как основы межсубъектного взаимодействия в межкультурных коммуникациях становится важнейшей проблемой.

Понятие «толерантность» многозначно. Оно характеризует и качество личности, и моральное правило, и принципы деятельности и отношений между индивидами. Толерантность как качество

личности выражает способность индивида к договоренностям, склонность к доброжелательности, доброте, уважению к инакомыслию. Как моральное правило она означает требование исполнения всеобщего нравственного закона, согласно которому к человеку следует относиться как к цели и высшей ценности, а не как к средству. Как принцип деятельности и поведения она указывает на признание множественности равноценных позиций и равенства прав других, согласование и примирение интересов. Толерантность как принцип отношений между индивидами характеризует стремление к взаимопониманию, сотрудничеству, диалогу и компромиссу.

В философском плане принцип толерантности в концентрированном виде содержит идею позитивного восприятия инаковости и многообразия, признания тождества вопреки различиям. По мнению И. Иовеля, она представляет «способность признать человеческое в других как отзвук и отклик человеческой сущности в нас самих. Это не должно истолковываться ни как сочувствие, ни как близкие личные отношения <...> наоборот, толерантность присутствует, когда обе стороны чужды друг другу во всех личных и эмоциональных отношениях, и, однако, я способен признать в других что-то основное <...> что относится не к моим особым качествам или свойствам, а относится к моему существованию»¹.

В самом общем смысле толерантность – это основанная на ценностных ориентациях готовность субъекта к осознанным личностным действиям, направленным на выстраивание отношений с представителями иной социальной, нравственной, культурной среды на конструктивной основе, на достижение гуманистических

отношений между людьми, имеющими различное мировоззрение, разные ценностные ориентации, стереотипы поведения, на расширение собственного опыта путем приобщения к иным культурам, взглядам, окружающей среде, самому себе. Цель статьи – прояснить когнитивные механизмы толерантности, раскрыть содержание эпистемологической процедуры понимания в межкультурном взаимодействии.

По нашему мнению, эпистемологический компонент толерантности состоит в осознании и принятии человеком многомерности жизненной реальности и вариативности ее восприятия, понимания и оценивания разными людьми, а также относительности, неполноты и субъективности собственных представлений и своей картины мира. Центральным моментом здесь является признание сложности и нередуцируемого многообразия мира, и интерпретативной природы индивидуальных суждений о нем, а потому невозможности сведения всего многообразия точек зрения к «общей истине» и неизбежной множественности индивидуальных картин мира. Именно эти аспекты подчеркиваются в «Декларации принципов толерантности», когда утверждается, что толерантность – это прежде всего «правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности»². Отсюда следует, что ключевую роль в социальном взаимодействии на основе принципа толерантности играет эпистемологическая процедура «понимание», и стоит более внимательно разобраться, что это значит³.

В традиционной трактовке «понимание» как термин означает постижение смысла. Понять нечто значит усвоить (постигнуть) смысл этого нечто – это познавательный акт. В понимающий познавательный акт в случае коммуникации структурно входят познающий разум и объект понимающей деятельности, который может быть назван текстом в качестве знаково-символической информационной системы разнообразного происхождения и предназначения. Тексты являются результатом познавательной, созидательной и творческой деятельности людей – иными словами, это некие продукты деятельности, имеющие знаковую и, в широком смысле, языковую природу. Текст, по выражению Ф. Шлейермахера, – это «факт языка, застывшая речь». Но в то же время он содержит в себе и субъективно психологические особенности внутреннего мира автора, «факты эмоций, чувств и мышления».

Таким образом, если «понять» означает «усвоить смысл», то понять можно только то, что до процесса понимания обладало смыслом и, следовательно, имеет знаковую природу, будучи важным не само по себе, а как выражение чего-то иного. Смыслом наделены не только тексты, но

и все то, что является продуктом деятельности человека, в который он вкладывает свои мысли, чувства, цели, желания и т. п.

Понимание есть процесс личностного присвоения смыслов. С такой трактовкой в интуитивно-психологической традиции, берущей свое начало в концепциях Ф. Шлейермахера и В. Дильтея, тесно связано представление о понимании как процессе, не только и не столько направленном вовне, сколько происходящем в пространстве человеческой души. «Под пониманием, – дает определение В. Дильтея, – я подразумеваю процесс, в котором мы используем чувственно данные объективации для достижения знания духовной жизни»⁴.

Каков же психологический механизм понимания? Субъектом понимания является индивид. Смыслы, приписываемые им объектам понимания, он черпает из своего внутреннего мира – индивидуального сознания, образующего основу понимания. Этот мир формируется на основе языка и чувственных впечатлений и включает в себя чувственные и абстрактные образы, связь между ними, знания, верования индивида, его морально-этические нормы. Все эти образы мира теснятся вокруг единого центра, дающего им жизнь, – индивидуального «Я», личности человека.

Каким же образом достигается понимание в межкультурной коммуникации? В философии описываются различные методологические модели. Одна из них базируется на предположении о существовании метакультурного значения, общего для всех культур концептуального фона. Это предположение исходит из представления о культуре как выражении некоего трансцендентного смысла (Бытия, Логоса, Бога), который сообщает объективность своим репрезентациям или описаниям. Культуры, семиотически поняты как такие описания, обладают одинаковыми выразительными возможностями, «взаимопереводимы» в том смысле, что для каждого предложения одного языка (или кода культуры) найдется по крайней мере одно предложение в любом другом естественном языке (другом культурном словаре), которое имеет тот же смысл. Несмотря на все различие культур как описаний или шифров трансцендентного, носители различных культур способны понимать друг друга вследствие того, что существует общий для всех индивидов концептуальный фон, гарантирующий определенную общезначимость того содержания, которое они понимают, схватывая смысл. При подобной трактовке «иных культур» никакой принципиальной проблемы их понимания возникать не должно. Разнообразие языков и культур в какой-то степени компенсируется сосуществованием и использованием в рамках единого семантического (в данном случае – языкового) пространства метакультуры,

или метасловаря, наличием которого обусловлена возможность понимания других культур. Работа философов и лингвистов по прояснению значения слов и по установлению правил их точного перевода является следствием имплицитного допущения наличия такого метасловаря, с помощью которого можно совершить кодификацию терминов всех остальных культурных словарей и перевести термины одного словаря в термины другого. Коммуниканты, принадлежащие к различным культурам, изначально располагают общим для всех языком, который превосхищается и говорящим, и тем, кто претендует на осмысление, онтологически гарантируя успех взаимопонимания.

Другая методологическая модель ориентирована на понимание культуры как определенного способа самоописания, который не связан требованием выражения какого-либо внекультурного значения. Различные культурные словари рассматриваются не с точки зрения метаязыка, обозначающего общий для всех возможных описаний трансцендентный смысл, а как альтернативные языковые игры или формы жизни, которые не отсылают к чему-то помимо самого языка. Культурный код не требует своего обоснования через отнесение к некоей реальности, которая не является частью самой языковой игры. Описание культуры в этом смысле становится самореферентным, отсылающим только к самому себе.

Однако эта автореферентность культуры не означает принципиальной невозможности понимания других культур. При попытке проникнуть в содержание иной лингвистической культуры коммуникант вынужден создавать по сути новый культурный код, используя разнообразные непредвиденные комбинации выражений, адаптируя язык к новым ситуациям и контексту, накладывая новые схемы на содержание нашего опыта. Это языковое творчество является основным условием коммуникации. Ведь в том случае, если индивиды оперируют различными описаниями, основным для их взаимопонимания будет способность достичь такого кода коммуникации, который будет общезначим для всех ее участников. Таким образом, языковое творчество позволяет носителям культур выйти за пределы своего актуального лингвистического опыта и найти «общий язык» даже в том случае, когда коммуниканты принадлежат к различным формам культуры.

Проблема понимания в методологическом плане связана с проблемой интерпретации. По нашему мнению, понимание как интерпретация действий и фактов должно включать следующие моменты: а) не только когнитивные, но и иные эстетические и этические компоненты; б) понимание не тождественно «вчувствованию», а интерпретация не сводится к компьютерному аналогу интенциональных состояний; в) отсутствие

общего закона или алгоритма понимания, всегда являющегося индивидуальным искусством, «языковым творчеством», которому нельзя научиться теоретически; г) удачное понимание – это не совпадение собственной интерпретации с внутренним состоянием другого, а соответствие ее сети интерпретаций другого, которая в данное время считается другим субъектом нормальной; д) нельзя сводить выражения другого к собственному интерпретативному горизонту; е) понимание связывает коммуникантов не законосообразно, как элементы множества, но всегда прагматически; ж) коммуниканты сами должны не ждать, а заботиться о понимании и предлагать его другому; з) понимание не является однотипным и существует большая разница между пониманием научной гипотезы и, к примеру, религиозной веры.

Таким образом, понимание в широком смысле можно рассматривать как процесс, который не выходит за пределы сети условий возможности интерпретации. Главной нитью его является «понимание понимания» не в духе метапонимания, а в том, что «внутреннее понимание» переходит в процесс интерпретации. Непосредственное понимание – пограничный случай интерпретативного понимания как понимания знаков без объяснения. Оно имеет место, например, при понимании выражения чужого лица. Неверно было бы сказать, что воспринимают сначала лицо, а потом его выражение – наоборот, лицо воспринимается сразу как веселое или грустное. Введение различий благодаря интерпретации представляет собой переформулирование значения того, что понимается в знаках. Поскольку другой коммуникант должен акцептироваться не только на основе нашей собственной оптики и понятийного аппарата, постольку мы должны добиваться резонанса интерпретаций. На наш взгляд, именно этот резонанс способствует выработке окончательного понимания.

Специалисты в сфере межкультурной коммуникации отмечают, что интерпретация находится в прямой зависимости от той картины мира, на которую опирается культура коммуникантов. В процессе коммуникации следует учитывать ту национальную историческую систему понятий, представлений и ценностей, от которых отталкивается тот или иной коммуникант. Иными словами, всегда следует иметь в виду, что представитель другого народа может видеть мир несколько иначе, чем мы, поскольку является носителем иной ментальности. В данном случае ментальность – это определенная совокупность устоявшихся форм мировосприятия, присущих какой-либо группе людей, которые определяют общие черты отношения и поведения этих людей применительно к феноменам бытия. Российский культуролог А. Я. Гуревич называл менталитет своего рода психологической оснасткой любой

социальной общности, позволяющей по-своему воспринимать как окружающую среду, так и самих себя. Он проявляется в характерном для данной общности мироощущении и мировоззрении, имеющих эмоциональное, психологическое и поведенческое выражение.

Содержание менталитета, по А. Я. Гуревичу, представляет собой некий сложившийся образ, внутреннюю картину мира, отражающую культуру общества. Картина мира включает в себя, в частности, представления о личности и её отношении к социуму, о свободе, равенстве, чести, добре и зле, о праве и труде, о семье и сексуальных отношениях, о ходе истории, о ценностях времени, о соотношении старого и нового – и она в принципе неисчерпаема. Именно картина мира, унаследованная от предыдущих поколений и непрерывно изменяющаяся в процессе общественной практики, лежит в основе человеческого поведения⁵. Менталитет проявляется в позиции, ценностной ориентации, мировоззренческих и поведенческих стереотипах, исторических традициях, образе и укладе жизни людей, в языке. Формируясь в ходе исторического процесса, менталитет образует ту духовно-поведенческую специфичность, которая делает представителей одного народа непохожими на представителей других, и в силу этого он становится важным фактором самоидентификации той или иной общности.

Отметим, что существует реальная взаимосвязь ментальности как определенной социальной психологической характеристики субъекта культуры и тех вербальных форм, которые продуцируются как выражение деятельной реакции конкретных носителей культуры на воздействующие семантические факторы. Вербальность словесно опредмечивает конкретный тип ментальности и делает его реальностью как вид социально-смыслового фактора. Каждый тип ментальности имеет свой логико-вербализированный способ построения. Ментальность во многом является той скрытой реальностью культуры, которая почти не заметна, но фактически реальна как детерминанта всего остального пространства артефактов культуры.

Идея определяющей роли ментальности в культуре общества нашла свое отражение в концепции лингвистической относительности Й. Л. Вайсгербера, Э. Сепира, Б. Л. Уорфа, которая базируется на концепции языковой картины мира. Понятие языковой картины мира ввел Й. Л. Вайсгербер, делая ее фундаментальной принадлежностью языка. «Словарный запас конкретного языка, – писал он, – включает в целое вместе с совокупностью языковых знаков также и совокупность мыслительных средств, которыми располагает языковое общество; и, по мере того как каждый носитель языка изучает

этот словарь, все члены языкового сообщества овладевают этими мыслительными средствами; в этом смысле можно сказать, что возможность родного языка состоит в том, что он содержит в своих понятиях определенную картину мира и передает ее всем членам языкового сообщества»⁶. Согласно точке зрения Вайсгербера, от языковой картины мира, коренящейся в ментальности, в принципе никто освободиться не может. Люди, говорящие на разных языках, живут в разных мирах, а вовсе не в одном и том же, на который навешаны лишь разные ярлыки: француз видит мир из своего языкового окна, русский – из своего. Сформулированную Й. Л. Вайсгербером идею языкового мировидения, основанную на представлении о лексическом способе категоризации окружающего мира, активно развивали американские лингвисты Э. Сепир и Б. Л. Уорф. С точки зрения Э. Сепира:

1) «Мир языковых форм, взятый в пределах данного языка, есть завершенная система обозначения <...> Переход от одного языка к другому психологически подобен переходу от одной геометрической системы отсчета к другой»⁷;

2) «Каждый язык обладает законченной в своем роде и психологически удовлетворительной формальной ориентацией, но эта ориентация залегает глубоко в подсознании носителей языка»⁸;

3) «Языки являются по существу культурными хранилищами обширных и самодостаточных сетей психических процессов»⁹.

С понятием языковой картины мира тесно связано понятие культурно-семантической адекватности. Она – проявление того, как каждый субъект коммуникации ориентирован в социокультурном семантическом, символически значимом пространстве, как он понимает сам себя в качестве реального носителя культурных характеристик и как видит с этой точки зрения другие феномены культуросмысловой реальности.

Отсюда следует, что обретение субъектом коммуникации культурно-семантической адекватности является необходимым условием понимания. С этих позиций важным условием для успешного ведения диалога между представителями разных культур является состыковка кодов и концептов взаимодействующих культур. Трансформирование этих кодов выражается в формировании некой связи между внутренним универсально-предметным кодом и новым, внешним, которым овладевает личность для участия в межкультурном диалоге. В этом случае имеет место языковое творчество. Для успешной состыковки кодов и концептов от конкретного коммуниканта требуется модифицировать свою картину мира путем совмещения исходного и вновь осваиваемого образа действительности в рамках своей ментальности. Достижение от-

носителем тождественности ментальности структур обеспечивает возможность успешной коммуникации. Если же такая тождественность не будет достигнута, возможно не только недопонимание, но и полное непонимание.

Подчеркнем, что острота проблемы диалога разных культур в глобальном мире ощущается как в социокультурных реалиях, так и во всех исследовательских направлениях гуманитарного знания. Это требует соответствующего философского осмысления и, как следствие, появления новых теорий и проектов.

Философские проблемы диалога культур были рассмотрены В. С. Библером¹⁰. Отметим, что поиск удовлетворительного объяснения причин социальной патологии, в том числе и во взаимодействии культур, стимулировал появление новых философских парадигм.

В ходе исследования культурных и институциональных рамок употребления языка, процессов коммуникации предпринимаются попытки объединения философии языка и философии общества. В частности, Ю. Хабермас выдвигает проблему достижения социального консенсуса на основе понимания. Он разрабатывает теорию коммуникативного действия, в которой развивает концепцию понимания как предпосылку общественного согласия¹¹. Очевидно, что все многообразие процессов межкультурного взаимодействия не может сводиться к коммуникации. Однако введение в поле социально-философского исследования тех сфер, которые до этого оставались за рамками исследования (прежде всего сфер употребления языка, коммуникации), безусловно является новаторской.

По нашему мнению, необходимо продолжение детального анализа понимания как эпистемологической предпосылки толерантности в межкультурном взаимодействии в аспекте теории коммуникативного действия в условиях социальной реальности XXI в.

В заключение отметим, что в современных условиях социального бытия толерантность выступает в качестве атрибутивного конструкта субъектности. Ее следует рассматривать как одну из важнейших аксиологических форм, организующих совместную человеческую жизне-

деятельность, которая должна пронизывать все сферы жизнедеятельностного взаимодействия. В мировоззренческом плане толерантность – это особый принцип построения личностью своей картины мира, в основе которой лежат понимание множественности и многообразия бытия, признание неизбежности факта существования и необходимости сосуществования различий. Толерантность базируется на особой стратегии взаимодействия – диалоге, который способствует соединению ценности личности и общечеловеческой солидарности. Именно воспитание человека, открытого к диалогу, становится всеобщей важнейшей задачей современных образовательных систем (образовательных парадигм), ибо это, на наш взгляд, наиболее естественный и полноценный способ бытия человека как личности.

Примечания

- ¹ Yovel Y. Tolerance As Groce And as Right // La tolérance aujourd'hui (Analyses philosophiques). Document de travail pour le XIX Congrès mondial de philosophie (Moscou, 22–28 août 1993). P., 1993. P. 115–116.
- ² Декларация принципов толерантности // Век толерантности. 2001. № 1. С. 62.
- ³ Проблеме «понимания» посвящена обширная литература (см.: Гусев С. С., Тульчинский Г. Л. Проблема понимания в философии. М., 1985. С. 186).
- ⁴ Dilthey W. Dilthey W. Gesammelte Schriften : 26 Bd. Bd. 5. Die geistige Welt. Einleitung in die Philosophie des Lebens. Halfel. Abhandlungen zur Grundlegung der Geisteswissenschaften. Stuttgart, 1957. XVII, 442 s.
- ⁵ Гуревич А. Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993. С. 56.
- ⁶ Вайсгербер Й. Л. Родной язык и формирование духа. М., 1993. С. 232.
- ⁷ Сепир Э. Язык и среда // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. С. 84.
- ⁸ Там же. С. 86.
- ⁹ Там же. С. 93.
- ¹⁰ Библер В. С. Диалог. Сознание. Культура (Идея культуры в работах М. М. Бахтина) // Одиссей : человек в истории. М., 1989. С. 21–59.
- ¹¹ См.: Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие : пер. с нем. СПб., 2000. С. 208.